

Борис ВАСИЛЬЕВ

«И ЗАЧЕМ ОН УБИЛ ЕГОРА ПОЛУШКИНА...»

ПИСАТЕЛЬ ЧИТАЕТ ПОЧТУ

Борис Васильев, автор повестей «А зори здесь тихие...», «Иванов катер», «Самый последний день», впервые выступает в жанре публицистики на страницах «ЛГ». Его роман «Не стреляйте в белых лебедей», опубликованный недавно в журнале «Юность», вызвал большую и противоречивую читательскую почту. Сегодня писатель отвечает своим читателям.

В МОЕМ детстве любили хранить письма. Бабушки читали внукам длинные послания юных дедушек: «Дорогой Спешу, уведомить Вас...» За незнакомыми ятами и ерами выглядывал не человек, а нечто многословное, нетерпеливое, неизменно вежливое. Вежливость тогда предвещала, как визитная карточка.

Изменились мы, и изменились наши письма. Не прикрытые маской непонимания вежливости, письма стали более деловыми, категоричными и искренними. И теперь за ними встает человек как таковой. Со своим пониманием морали и нравственности, со своим видением мира и со своим личным требованием к писателю в частности и к искусству вообще.

А внешне это выразилось в огромном количестве восклицательных знаков, торчащих из строчек, словно ноглики из галантерейных ежиков. И я выбрал только те письма, в которых восклицательные знаки направлены в меня, как перст укавающий. А вопросительные смахивают на крючки, которыми автора намереваются озадачить. Выбрал не потому, что хочу отговориться, а потому, что тут есть о чем поговорить.

ВОСПИТАНИЕ

«БЕССМЕРТИЕМ»

Зачем, Борис Васильев, вы убили нас конвоем романа, зачем надорвали душу, вставили плакаты?

Н. Гудимова

Это очень жестоко! Так нельзя, слышите? Плохой конец! Это ужасно! Ну, зачем вы так?

В. КУЛЮКИНА, студентка пединститута ИРКУТСКА

Мне трудно сейчас припомнить, как звали каждого из них — это были красивые мужчины, но главное их достоинство заключалось в бессмертии. Излюбленных передраг они неизменно выбирались здоровыми и невредимыми, и зритель полагалось волноваться ровно на длину фильма: увидев слово «конек», он шел пить чай уже без всякого волнения.

Он многоликий и поразительно интернационален, этот чудо-герой. Для меня он олицетворяет целое направление не только телекинопродукции, но и вообще совершенно «особое искусство», основной задачей которого является сведение зрительских, а равно и читательских переживаний к нулю. Упавшая в сюжет эмоциональная валерьянка глотается потребителем с особым удовольствием: кончается сюжет, кончаются и все вызванные им тревожения. С героем, естественно, ничего не страшно, можно спокойно ложиться спать.

Нет, я не против жанра: и приключения, и романтизация силы, непобедимости, отчаяния имеют полное право на существование. Я против попыток извлечь из этого жанра эталон, эстетическую норму художественного восприятия.

Лет двадцать назад я повел племянника в кино. Фильм проходил по детскому разряду, но повествовал о войне: там убивали, хоть, правда, и не главных героев. В таких местах племянник категорически требовал: «Дядя Борис, закрой мне глаза!» И я исполнил его требование, понимая, что шестилетнему муж-

злом, таким образом, поставлен знак равенства. Жизнь воспринимается, как некий сосуд, в котором черное и белое, не смешиваясь, сосуществуют рядом, и если убрается белое, то останется черное.

В этом черно-белом представлении о действительности любопытно не отсутствие полутонов, не тоска по пресловутому «хэппи энд» и даже не убежденность в том, что добро и зло уравновешивают друг друга. Любопытным представляется невольное, но весьма активное отрицание авторами своей собственной гражданской позиции.

Полтора года назад при работе над фильмом «Самый последний день» возникли аналогичные опасения. Дело заключалось в том, что фильм снимался в точном соответствии с повествованием: лейтенанта Ковалева оставалась за кадром. При обсуждении была высказана мысль, что зритель будет недоволен таким финалом, поскольку не наследует законным «наручникам», кои по всем канонам должны быть застегнуты на руках, обгоревших кровью. Нам удалось отстоять свое мнение, и я с огромным удовлетворением заверяю, что зритель все понял и без традиционных «руки вверх!».

Понял, потому что повернул в несокрушимую силу добра. А он изливает его на нас с вами. Они со смачком судачат о соседях, забываются о диле ваших юбок и волос и рассуждают о девичьей чести. Не о своей, замечте, а вообще, не утруждая себя изучением обстоятельств.

Мне кажется, что мы чересчур уж мидальничаем с такого рода крохоборами от морали. Боясь обидеть единицы, мы позволяем этим единицам отравлять жизнь сотням нормальных граждан. А почему бы не назвать ханжу — ханжой, кликушу — кликушей, доморощенного моралиста — доморощенным моралистом? Их кипучая самодельность слишком дорого обходится обществу.

Вот так просто, походя, сюжетно снимается то, ради чего писатель годами трудился над книгой. Попадает голову в поисках единственно верного решения: как донести до читателя ту боль и ту горечь, которую ощущаешь? И не просто донести, а заразить этой болью и горечью, заразить надолго, потому что это не абстрактная боль и не абстрактная горечь, а конкретная боль по поводу любимого тобой человека.

И конкретная горечь, что такое, к сожалению, может случиться и сегодня, и завтра, и послезавтра, потому что зло, уничтожающее на страницах книг, на кино- и телеэкранах, в реальной жизни уступает свои позиции мучительно медленно. И не надо обманывать самих себя.

Зло может торжествовать не потому, что в борьбе с ним гибнут добрые люди, а потому, что существуют пока равнодушные, прекраснотупые, благодушные и прочие виды гражданской инертности. И не надо звать на помощь милицию: надо идти на помощь милиции. Тогда, и только тогда, перестанут гибнуть Егоры Полушкины.

«105 ПРОЦЕНТОВ

МОРАЛИ»

...вдруг в разделе «19 на стр. журнала 46—47 (автор — Б. В.)» дает справку о поведении двух женщин — Нонны и Марины... Своим легкомысленным поведением они как бы объясняют: «Мы современные люди»...

Н. Виноградов

Может, старшесклассикан посоветовать (прочитать) «Мораль Б. В.»? А зачем? Вдруг они подумают, что действительно все это «современно», как поступили вальсеские герои Нонна Юрьевна и Марина, и с первым встречным пойдут ночь проведать, потеряв чувство девицкой гордости?

Т. ЗАХАРОВА, библиотечник

Моя школьная учительница литературы Мария Николаевна Морева не выносила деления литературных героев на «положительных» и «отрицательных». При этом она сразу переставала улыбаться и очень тихо и очень серьезно говорила всегда одну и ту же фразу: «Люди бывают добрыми и злыми, жадными и щедрыми, храбрыми и трусливыми. Или, обобщая все это, нравственными и безнравственными. А «положительные» и «отрицательные» — это, по-моему, какие-то проводы в электрической машине».

Такое было субъективное мнение нашей учительницы, но Мария Николаевна внушала его нам настойчиво и последовательно. И мы писали сочинения о нравственной глубине Печорина и безнравственной мелкотенкости Хлестакова, о поисках Пьера Безухова и о страшном эксперименте Родиона Раскольникова. Мы вдруг поняли, что Софья Мармеладова и Катюша Маслова — натуры глубоко нравственные, и нам на всю жизнь расхоте-

лось бежать в соседнюю лавочку за детством.

Как-то на уроке Мария Николаевна задала странный вопрос:

— Дети, может у человека оказаться запас нравственности выше обычного? Так сказать, выше ста процентов?

Мы растерянно молчали. А потом одна девочка тихо и неуверенно сказала:

— Ленин.

Да, Ленин. Да, герои партии, Отечества, народа — те, кому стоят памятники на наших площадях, те, чьи биографии учат в школах, те, кто первым бросается спасать тонущего ребенка или закрывает телом амбразуру дота. Те, кто приходит на помощь, когда кто-то нуждается в его помощи — будь то Родион или девушка, к которой пристал хулиган. Их повышенная, сверхнормативная, что ли, нравственность никогда не пропадает втуне: она — достойная общества, ибо нравственная сила общества есть сумма нравственности каждого из нас, его граждан.

А теперь зададимся вопросом: существуют ли люди с преизбытком моральных качеств? Не моральных качеств, а моральных требований к другим: люди, знающие, «что такое хорошо и что такое плохо», на 105 процентов? И что они делают с этим излишком?

А они изливает его на нас с вами. Они со смачком судачат о соседях, забываются о диле ваших юбок и волос и рассуждают о девичьей чести. Не о своей, замечте, а вообще, не утруждая себя изучением обстоятельств.

Мне кажется, что мы чересчур уж мидальничаем с такого рода крохоборами от морали. Боясь обидеть единицы, мы позволяем этим единицам отравлять жизнь сотням нормальных граждан. А почему бы не назвать ханжу — ханжой, кликушу — кликушей, доморощенного моралиста — доморощенным моралистом? Их кипучая самодельность слишком дорого обходится обществу.

В октябре 1973 года на Ленинградском шоссе произошла страшная авария: легковая машина врезалась в автобус, в котором находились две женщины и пятнадцатилетняя девочка, а четверо других пассажиров оказались на больничных койках. Столкнулись две машины, и при этом была заде-

та третья — «Запорожец», в котором, по счастью, никто не пострадал. Я не рассматриваю причин этой катастрофы — это дело специалистов, но ровно через два месяца в больницу, где все еще лежал участник трагедии, потерявший дочь, жену и близкого друга, пришла супруга владельца — «Запорожца». Выразить соболезнование? Справиться о здоровье? Нам бы не так!

Понимаете, в соответствии с календарем нам нанесен ущерб в 351 рубль. — У меня погибли жена и ребенок.

Да, да, это ужасно. Вы сейчас отдадите 351 рубль или нам подаете искковое заявление?

Вот так, «в соответствии с календарем». По 117 руб. 00 коп. за каждую погибшую жизнь. А ученые утверждают, что даже крысам свойственно чувство сострадания к сестрам своим...

Давайте уважать людей. Не только персонально Ивану Ивановича или Степана Степановича — человека. С его страстями и страданиями. С его радостями и горестями. С его победами и поражениями. А уважение подразумевает доверие к человеческой личности. Вот когда мы научимся этому, и жить станет веселее. И нам, и нашим внукам.

«ДОБРО ДОЛЖНО

БЫТЬ С КУЛАКАМИ...!»

Почему же такое всепрощение?

А. САКЕНБАЕВА, биолог

Считаете ли вы, что Егор — это личность гармоничная? Нам кажется, что в его характере нет определенной активности, способности отстоять свое «Я». присущих современному человеку.

Ученики 10-го класса 347-й школы

МОСКВА

Я несколько раз встречал эту фразу: в рецензии на фильм «Самый последний день», в газетных молодежных направлениях. Она всегда была вырвана из контекста, а поскольку — наосы! — стихотворения я не читал, то позволю себе отнестись к ней, как к афоризму.

Приняв сразу — мне не по душе это выражение. Оно подразумевает конечность, ограниченность добра, его предел, за которым позволительно * применить такой веский аргумент, как хук с правой. А поскольку пределы эти ничем не ото-

ворены, то применять вышеуказанную аргументацию каждый волен по собственному разумению.

Мне кажется, что в этом афоризме перепутано добро как категория нравственно-философская с добротой, то есть с категорией психологической, с чертой характера.

Да, доброта должна иметь границы. Как говорил Саади: «...Добротой не сделаешь врага другом, а только увеличивишь его притязания». Безграничная доброта обладает способностью раздражать. Это ее свойство прекрасно знакомо воспитателям и педагогам.

Добро же в его философско-нравственном понимании есть антипод зла.

Откуда же все-таки у некоторых читателей (судя по письмам, их, правда, очень немного) появилось представление о Егоровом всепрощении? Мне думается, что это ощущение вызвано его отказом называть убийц (которых, кстати сказать, он в темноте «осенней ночи и не видел») — главное — его словами в адрес свидетеля избиения — подчеркиваю, свидетеля, а не участника! — Федора Бурьянова: «Простил, Ступай». Это о нем, о своем родственнике, он говорит следовательно: «Не знал бы — казнил... А знаю — и милую».

Вот кого он отказывается выдать, и вот кого он прощает. Прощает, прекрасно понимая, что это прощение для Федора страшнее наказания. Наказание — какое бы оно ни было — снимает вину с совести человека, переключая вину перед обществом. А прощение Егора в конкретных обстоятельствах не снимает тяжести свершившегося с совести Федора Бурьянова. И слезы, которые впервые в жизни текут по лицу, и дорогой «Арманык», что выплескивается на пол при каждом шаге, — это уже не тот Федор Бурьянов, каким мы привыкли его видеть. Да, он пристрелит Пальму, да, он продаст дом и уедет неведомо куда, но от самого себя, от своей разбухшей совести ему уже никуда вовек не убежать.

Ошибаетесь вы, дорогие товарищи: дело здесь не во

всепрощении Егора. Дело в его великодушии, а великодушие обладает поразительной способностью будить задремавшую человеческую совесть.

И, наконец, несколько слов о гармоническом человеке: о гармоническом личностности и гармоническом обществе.

Обычно под личностностью подразумеваются сочетание высших моральных качеств, профессиональных знаний, общей культуры и физического развития. Так сказать, «в здоровом теле здоровый дух». Все вроде бы правильно, но возникает вопрос: а чем же вся эта гармония отличается от гармонии древних эллинов? У них тоже был культ морали. Олимпийские игры прекрасно сочетались с театральными представлениями, а философия и поэзия относились, как и национальным героям. При этом они, эти самые эллины, строили, торговали, создавали и процветали.

Только создавали, процветали и бегали по своим стадионам они при рабовладельческом способе производства. Это была гармония элиты.

Но мы-то стремимся, чтобы все общество было гармоничным. Все общество, а не избранные личности. А для этого необходимо создать не только нравственную возможность — одно создание — не только могучую материальную базу, но и проделывать гигантскую и, увы, совсем не романтическую работу по искоренению порока и равнодушия, воровства и себелюбия, хулиганства и пустословия, мошенничества и тунеядства и еще многого, многого другого.

Нет, нравствен не тот, кто обладает способностью «отстоять свое «Я», дорогие ребята из 347-й школы Москвы. Нравствен тот, кто прежде всего отстаивает товарища, друга, кто защищает слабого, женщину или ребенка. Нравствен тот, кто способен поступиться своим «Я» во имя общего дела. Во имя коллектива, во имя долга. И как бы ни был велик перечень того, что должен отстаивать современный советский человек, его собственное личное «Я», по моему глубокому убеждению, должно стоять на последнем месте в этом списке. Сначала — «Мы!»: Советский Союз, советский народ, советская Программа мира...

Писатель пишет для читателей — это общезвест-

но. Но он не просто пишет для него: он постоянно чувствует своего читателя, он внутренне советуется с ним еще задолго до того, как сесть за письменный стол. Еще тогда, когда, по словам Маяковского, «ткну ба-рахтается в тине сердца глупая воля воображения».

Писатель и читатель — это не только единомышленники и друзья, руки которых соединены книгой, это всегда соавторы. Соавторы не по процессу реализации сочиненного: у них единство мыслей и единство чувств, возникших из одного источника. И только если происходит это чудо, если писатель находит своих соавторов, он получает право считать свою задачу выполненной. И в этом заключается редкое писательское счастье.

Но соавторство подразумевает равенство отношений. И если вы, дорогие читатели, требуете от нас мыслей и размышлений, то и мы тоже вправе требовать мыслей и размышлений от вас. Именно из этого равенства я и исходил, когда писал эту статью.

У Федора Бурьянова в «Ленинских о сущности религии» есть такое место:

«Остроумная манера писать состоит, между прочим, в том, что она предполагает ум также и в читателе, что она предполагает, что она предполагает читателю самому сказать себе об отношении, условиях и ограничениях, при которых данное положение только и имеет значение и может быть мыслимо».

Этот абзац В. И. Ленин переписал целиком. И в «Философских тетрадях» против этих слов рукою Владимира Ильича написано: «МЕТКО!»

Я глубоко благодарен всем читателям, которые поделились со мной впечатлениями: и тем, чьи фамилий нет в этой статье, и тем, на чьи письма я попытался здесь ответить. Возвращаясь к письму, которая звучит в письмах, позволяет мне надеяться, что роман встретит своего читателя, а я, его автор, нашел своих друзей: чутких, заботливых и требовательных. И вот это последнее качество — высокая читательская требовательность — для меня особенно дорого.